

КЛИЦИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клеандро.
Паламеде.
Никомако.
Пирро.
Эустакьо.
Софрония.
Дория.
Дамоне.
Сострата.
Рамондо.

КАНЦОНА¹

Поистине прекрасен
подобный день, когда
мы в мир преданий благодарно входим,
и в каждом, кто согласен,
как мы, прийти сюда,
мы душу дружественную находим.
Мы век земной проводим
под сенью светлых роц, в лесной дали,
и снова к вам пришли
мы, пастухи, и я, дриада,
петь о любви, в которой нам отрада.

Светла и беззаботна
пора, и край блажен,
где нашим песням эхо отвечало.
И мы споем охотно
по ходу этих сцен
и, предваряя песнею начало,
хотим, чтобы звучала
она нежнее прежних в этот раз;
потом покинем вас
мы, пастухи, и я, дриада:
нас ждет любовь — всегдашняя отрада.

¹ Стихи в комедии переведены Е. Солоновичем.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Паламеди, Клеандро.

Паламеди. Куда в такую рань?

Клеандро. А ты куда?

Паламеди. Да есть тут одно дельце...

Клеандро. Вот и у меня есть дельце... и уж так хотелось бы его уладить! А выйдет, нет — не поручусь.

Паламеди. Но дельце-то из тех, что уладить можно?

Клеандро. Наперед не скажу, но при великом усердии — можно.

Паламеди. Я, пожалуй, пойду. Тебе не до меня. Знаешь, когда кто в тягость, так уж лучше и с глаз долой. Ты, должно быть, примечал, что я и прежде старался не докучать тебе, видя дурное твоё расположение.

Клеандро. Расположение — черт с ним. Только дело-то посерьезнее: я влюблен.

Паламеди. Брось! Вот уж не подумал бы!

Клеандро. Паламеди, друг мой, ты и половины того не знаешь, что надобно б было знать. Я и прежде впадал в отчаянье, а нынче вовсе места себе не нахожу.

Паламеди. Как так?

Клеандро. То, что раньше скрывал я от тебя, — теперь поведаю, ибо дошел я до крайней безнадежности и любая подмога мне будет впору.

Паламеди. Ох, коли раньше всякая встреча с тобой была мне в тягость, то нынче особливо буду тебя бежать, справедливо рассуждая: бойся трех сортов

людей — певцов, стариков и влюбленных. Попробуй, к примеру, заговорить с певцом: начнешь ему изливаться, полагая, что тебя слушает, а у него в голове лишь до-реми-фа- соль да в горле полощется какая-нибудь этакая песенка. Заговори со стариком — тоже ничего путного. Начнет таскать тебя по церквам, бить поклоны да бормотать «Отче наш». Влюбленные и того хуже. Ты к ним с разговором, а они не только тебя не слышат, будто поглощены неимоверной тяжести работой, — но еще на тебя же обрушат столько пеней и жалоб, что ты поневоле плюнешь на собственные невзгоды ипустишься их утешать... Если взять, к примеру, горемыку, влюбленного в уличную девку, то его всенепременно ждут всяческие утеснения и обиды... Словом, жалоб хоть отбавляй. Ежели кто влюблен в женщину порядочную, то, Боже! Тут тебе и ревность, и зависть, и подозрения... сотни и тысячи поводов для причитаний. Потому-то, милый мой Клеандро, я охотно побуду с тобой, когда я тебе в самом деле понадобится. Теперь же не прогневайся — твои пени заставляют меня бежать.

К л е а н д р о. Страсть свою я скрывал по изложенным тобою причинам. Не хотел, чтобы меня принимали за надоеду или же завлекали в ловушку. Мне хорошо ведомо, сколь много таких, кто под личиной участия выведывает тайны, дабы потом ими злоупотреблять. Ныне же, коль скоро судьбе заблагорассудилось поставить меня на край пропасти, я порешил тебе открыться. Отчасти отвести душу, отчасти в надежде на твою помощь в случае нужды.

П а л а м е д е. Слушаю тебя и готов помочь, невзирая на все опасности и преграды.

К л е а н д р о. Знаю, знаю, друг мой! Ты, полагаю, наслышан о девице, которая воспитана в нашем доме?

П а л а м е д е. Видел ее. Откуда она родом?

К л е а н д р о. А вот послушай. Лет двенадцать тому назад — ибо случилось это в тысяча четыреста девяносто четвертом году, когда по пути в Неаполь король Карл, во главе огромного войска, проходил через Флоренцию, в нашем доме остановился дворянин из отряда монсеньора де Фуа по имени Бельтран де Гасконь. Отец мой приветил этого дворянина со всевозможным радушием. Видеть столь великую дружбу между отцом и гостем было тем более удивительно, что в большинстве своем французские гости и хозяйева люто враждовали.

П а л а м е д е. Вам здорово повезло, ибо французы, бывшие на постое в нашем доме, причинили нам неисчислимое зло.

К л е а н д р о. Случалось и так! Но у нас все было иначе. Так вот, этот Бельтран отправился в Неаполь вслед за своим повелителем. А Карл хоть и захватил королевство Неаполя, однако ж вынужден был его оставить, ибо папа, император, венецейцы и герцог Миланский соединились против него. Оставив часть своих людей в Неаполе, Карл устремился в Тоскану. Тут он узнал, что образовавшаяся против него лига собрала огромное войско на Таро, дабы преградить ему дорогу, когда он станет спускаться с гор. Карл рассудил не мешкать и в Тоскане не задерживаться. Потому-то решил он оставить в стороне Флоренцию и через Пизу и Понтремоли спуститься в Ломбардию. Бельтран, прослышав про движение вражеских войск и не ведая, как обернется дело, положил, по крайности, спасти любезную его сердцу девчурку, которая была с ним в Неаполе. Девчурке было лет пять, и была она прехорошенькая личиком и нрава что ни на есть самого кроткого. Так вот, девчурку эту препоручил он слуге отвезти к моему отцу, заклиная дружбой холить и лелеять ее. А там, Бог даст, он за ней пришлет. Знатного была она роду иль нет — он не писал. Сказал только, что зовут ее Клицией. Отец и мать, не имея других детей, кроме меня, сразу же ее возлюбили...

П а л а м е д е. Скажи лучше, что ты ее возлюбил!

К л е а н д р о. Постой!.. Возлюбили как свою собственную. Тогда минуло мне десять лет и, как положено мальчикам, я с первого взгляда к ней привязался. Привязанность эта крепла из года в год. Когда же ей стукнуло двенадцать, отец и мать не на шутку взволновались и стали за мной приглядывать. Оставаться с ней наедине я уже не мог. Не стану говорить, что подобные утеснения — а ведь известно, сколь желанен бывает запретный плод, — только подлили масла в огонь. Жизнь стала несносной, и, наверное, в аду я чувствовал бы себя стократ счастливее.

П а л а м е д е. Бельтран так и не присылал за ней?

К л е а н д р о. Больше о нем не было ни слуху ни духу. Быть может, погиб в битве на Таро.

П а л а м е д е. Но признайся: чего бы ты хотел? Хотел бы на ней жениться или слюбиться, не женься?

Ведь сколько лет она у тебя под боком? Неужто ты не изыщешь способа добиться своего?

К л е а н д р о. Знаешь, не стану от тебя таиться...

П а л а м е д е. Говори.

К л е а н д р о. Смешно и стыдно: отец сам в нее влюблен.

П а л а м е д е. Никомако?

К л е а н д р о. Он самый.

П а л а м е д е. Как только попустил Господь!

К л е а н д р о. Попустил, и все святые вкупе с Ним!

П а л а м е д е. Ну и ну! Пожалуй, я в жизни такого не слыхивал! И все это под одной крышей? Как же вы уживаетесь? Как можете смотреть в глаза друг другу? Мать знает об этом?

К л е а н д р о. И мать, и домашние, и челядь. Все об этом только и судачат.

П а л а м е д е. Скажи, как далеко, однако ж, зашли дела?

К л е а н д р о. Как далеко? А вот изволь: отец, когда б он даже не был сам влюблен, все равно нипочем не отдал бы ее за меня, ибо скуп чрезвычайно, а за ней никакого приданого не водится. К тому же он сомневается в благородстве ее родителей. Я же, со своей стороны, готов жениться на ней, быть ей другом — словом, заполучить в каком угодно качестве. Но обо всем этом толковать теперь напрасно. Скажу лучше, как обстоят дела.

П а л а м е д е. Слушаю тебя со всевозможным вниманием.

К л е а н д р о. Отец, который вот уж год как влюблен в нее, дабы утолить сжигающую его страсть, решил, что единственный выход — выдать ее за такого человека, который стал бы потом охотно делиться с ним своей женою, ибо добиваться своего до ее замужества казалось отцу делом бесчестным и греховным. С этой-то целью он и остановил свой выбор на Пирро, своем слуге. Порешив так, отец повел дело с такой великой осторожностью, что был уже на волосок от того, чтобы претупить, прежде чем кто-либо успел бы разгадать его замысел. Но моя мать, Софрония, заблаговременно заметила любострастную склонность отца. И вот, подстрекаемая ревностью, она всеми правдами и неправдами пытается расстроить отцовскую уловку. Прежде всего она подобрала другого жениха, ругатель-

ски изругав затею с Пирро. В женихи она наметила Эустако, нашего управляющего. И хотя Никомако пользуется в доме куда большей властью, тем не менее изворотливость матери и общая наша поддержка, которую незаметно мы оказывали, заставили отца отложить брак Клиции с Пирро на несколько недель. Но Никомако упорно гнет свое, и вот сегодня вечером, вопреки всем стихиям, хочет прикончить дело свадьбой. Он уже облюбовал жильё Дамоне, что находится по соседству с нами; хочет его купить, обставить, открыть лавочку и обогатить Пирро.

П а л а м е д е. А тебе не все равно, кто заполучит Клицию — Пирро или Эустако?

К л е а н д р о. Как все равно? Да ведь Пирро самый большой мошенник, какого только можно сыскать во Флоренции; мало того что он решил поделить Клицию с моим отцом — он еще и ненавидит меня, и ненавидел всегда. Нет, пусть лучше она достанется самому дьяволу. Вчера утром я написал нашему управляющему, чтобы он не мешкая приехал во Флоренцию. И странно, что он не объявился еще вчера вечером. Подожду его здесь, чтобы перехватить, едва он появится. А ты что собираешься делать?

П а л а м е д е. Пойду по своим делам.

К л е а н д р о. Путь добрый.

П а л а м е д е. Ну тебе Бог в помощь; уж расстарайся как можешь. Потребуется моя помощь — скажи.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К л е а н д р о, один.

К л е а н д р о. Правду сказал тот, кто сравнил влюбленного с солдатом. Военачальники хотят, чтобы их солдаты были молоды; женщины — чтобы их возлюбленные не были старыми. Грустно глядеть на старого солдата. Стократ грустнее — на дряхлого влюбленного. Солдаты боятся презрения своих начальников, влюбленные — презрения своих возлюбленных. Солдаты спят под открытым небом; влюбленные простаивают ночи под окнами. Солдаты преследуют своих врагов до полного истребления; влюбленные — своих соперников. Солдаты в кромешной тьме, в лютую стужу бредут по

грязи под дождем и при ледяном ветре завоевывать победу; влюбленные в таких же условиях с еще большим трудом пытаются завоевать свою возлюбленную. Ратное и любовное дело требуют тайны, мужества и веры; опасности в том и другом деле равны, и конец тоже часто бывает одинаков. Солдат умирает в яме, влюбленный — от отчаянья. Боюсь, что и меня подобная ждет участь. И это притом, что зазноба моя тут же, в доме, под боком, вижу я ее, когда только захочу, ем за одним столом! А ведь от этого еще горше, ибо близок локоть, да не укусишь. Нужно, однако ж, поразмыслить, как помешать свадьбе; дальнейшее подскажет мне, как себя вести. Возможно ли, что Эустацьо не откликнулся и тотчас не приехал? Я просил его поспешить! А вот и он, наконец-то! Эустацьо! Эустацьо!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эустацьо, Клеандро.

Эустацьо. Кто зовет меня? О, Клеандро!

Клеандро. Ты где замешкался?

Эустацьо. Приехал-то я еще вчера, но повидать тебя не мог, ибо, прежде чем получить твою записку, я получил письмо от Никомако с пропастью всяких поручений. Являться же к нему, не повидавшись с тобой, я не хотел.

Клеандро. И правильно поступил. Я послал за тобой, потому как Никомако настаивает на этой проклятой свадьбе с Пирро, которой, как тебе ведомо, противится моя мать. Противится же она не только потому, что хочет осчастливить Клицией человека, преданного дому, но и потому, что прочит ей человека более достойного. А уж скажу тебе прямо, между тобой и Пирро какое может быть сравнение? Ведь он порядочная дрянь!

Эустацьо. Спасибо на добром слове. И хотя, по чести сказать, у меня и в мыслях не было жениться, но ваше с матушкой желание я готов уважить. Не скрою притом, что наживать врага в лице Никомако мне вовсе не улыбается, ведь хозяин-то в конце концов он.

Клеандро. Пусть это тебя не беспокоит, мы с матушкой тебя не оставим и вытащим из любой беды. А теперь я бы хотел, чтобы ты привел себя в порядок:

жалкий крестьянский плащ висит на тебе мешком, шапка в пыли, сам ты оброс бородой. Сходи к цирюльнику, умойся, почисти платье — не то Клиция погонит тебя с глаз своих.

Э у с т а к ь о. А я не расположен прихорашиваться.

К л е а н д р о. Ступай и делай то, что я тебе сказал. Затем отправься вот в ту церковку рядом и дожидайся меня. Я же схожу домой и поразведу, чего там еще надумал отец.

КАНЦОНА

Кто не изведал, как
могуч Амур, немало ошибется,
когда назвать возьмется
первейшее среди небесных благ.
Он знать не может, как за шагом шаг
все дальше от безбедных дней уходят,
как, больше, чем себя,
другого люблю,
надеждой сердце, трепетом изводят
и как не только в людях — и в богах
твой арсенал, Амур, рождает страх.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Н и к о м а к о, один.

Н и к о м а к о. Не пойму, в чем дело: с самого утра у меня в глазах какая-то чертовщина. Словно молнии какие-то... из-за них я и света Божьего не вижу, а еще вчера вечером мне казалось, что иголку в сене отыщу. Может, выпил лишнего? Ох, старость не радость. Хоть, впрочем, не так уж я стар, чтобы не поединоборствовать с Клицией. Можно ль так, без памяти, влюбиться? А всего хуже то, что жена, кажется, поняла, почему я хочу выдать Клицию за Пирро. Придется поизворачиваться, чтобы добиться своего. Пирро! Иди сюда! Скорее!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Никомаччо, Пирро.

Пирро. Я тут.

Никомаччо. Пирро, я хочу, чтобы ты обвенчался сегодня же вечером.

Пирро. Да я хоть сейчас под венец.

Никомаччо. Спешить не надо! Поспесишь — людей насмешишь, как говорят в народе. Следует повести дело так, чтобы дом не рухнул нам на голову. Сам видишь, что жена моя недовольна; Эустацьо тоже добивается руки Клиции, и Клеандро ему потворствует. Словом, против нас и Господь и дьявол. Но ты не отчаивайся. Уж я-то на своем сумею настоять. Как бы там ни было, но ты получишь ее наперекор всем им. Пусть ерепенятся сколько влезет.

Пирро. Заклинаю вас Господом Богом, скажите, что я должен делать?

Никомаччо. Никуда не отлучайся. Будь все время тут, начеку.

Пирро. Буду, буду. Кстати, забыл вам сказать одну вещь.

Никомаччо. Какую?

Пирро. Эустацьо здесь, во Флоренции.

Никомаччо. Как во Флоренции? Кто тебе сказал?

Пирро. Мессер Амброджо, наш сосед по имению. Он сказал, что вчера вечером столкнулся с ним у городских ворот.

Никомаччо. Как вчера вечером? Так где же он проторчал всю ночь?

Пирро. Кто его знает!

Никомаччо. Добро! Пойди и делай то, что я тебе велел. *(Оставшись один.)* Значит, Софрония послала за Эустацьо и этот бездельник предпочел уважить ее просьбу вместо того, чтобы следовать моим повелениям? А я ведь наказал ему уйму дел, которые, если их не сделать, могут привести меня к разорению. Как Бог свят, он мне дорого за это заплатит! Кабы я только знал, где он сейчас находится и что делает! А вот и Софрония выходит из дому. Интересно, куда она?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Софрония, Никомако.

Софрония (*сама с собой*). Пришлось запереть Клицию и Дорию в комнате. Надо оберегать девчонку и от сынка, и от муженька, и от других домочадцев. Все-то зарятся на нее.

Никомако. Ты куда собралась?

Софрония. К мессе.

Никомако. И это в мясоед! Что же ты будешь делать постом великим?

Софрония. Благие поступки равно уместны в пост и мясоед. По мне, так нужда в благих делах бывает особенно велика, когда другие вершат зло. Вот почему, думается мне, мы, принимаясь за благое дело, начинаем с дурного конца.

Никомако. Как? Как? А ты чего бы хотела?

Софрония. Не возбуждать дурных толков. Подумай, сколько трудов стоило мне воспитать в доме такую хорошую и пригожую девушку! А теперь разом взять и вышвырнуть ее на улицу. Ведь если прежде все нас хвалили за благой поступок, то нынче будут осуждать за то, что мы отдаем ее безмозглому бездельнику, который и прокормить-то ее не сможет!

Никомако. Софрония, милая, ты несправедлива. Пирро молод, пригож собой, а если не шибко грамотен пока, то ничего, подучится. Главное же — он любит ее. Словом, обладает тремя великими достоинствами, коими надлежит обладать мужу: молодостью, красотой и любовью к жене. Мне сдается, что дальше так продолжаться не может и какой-то выход следует найти. Если он голодранец, то это не беда, успеет еще нажить. Ведь он из тех, кто непременно разбогатеет, да и я не обойду его помощью, ибо, признаюсь тебе, я задумал купить молодоженам дом, в котором нынче живет Дамоне, наш сосед. Дом я, понятно, обставлю и в придачу — пусть это мне обойдется даже в четыреста флоринов — хочу еще...

Софрония. Ха, ха, ха!

Никомако. Ты смеешься?

Софрония. Всякий бы на моем месте стал смеяться.

Никомако. Смейся, смейся. А я вот на вас не посмотрю и оборудую им внизу лавчонку.

Софрония. Неужели ты столь необдуманно хочешь отобрать у собственного сына законную его долю и отдать ее тому, кто вовсе ее не заслуживает? Уж не знаю, что и сказать тебе. Сдается мне, что за всем этим кроется нечто совсем другое.

Никомako. Что же тебе сдается?

Софрония. Когда б ты сам этого не знал — я б сказала. Ну уж коли ты сам знаешь — лучше промолчу.

Никомako. Что же я знаю?

Софрония. Не придуривайся! Что тебя заставляет отдать девчурку этой дубине? Нешто с таким приданным нельзя сыскать партию получше?

Никомako. Быть может, и можно, да побуждает меня поступить так, а не иначе, любовь, которую я испытываю к ним обоим, ибо оба они воспитаны у нас в доме и обоих я хочу устроить возможно лучше.

Софрония. Ну уж если на то пошло, то разве не воспитал ты Эустако, твоего управляющего?

Никомako. Конечно, воспитал. Но как мог я выбрать его, такого неказистого, такого неуча? Да ему бы только свиней пасти! Если б мы отдали Клицию за него, она бы с горя умерла.

Софрония. А с Пирро она помрет от нищеты. Сам знаешь, что тот мужчина больше ценится, который больше умеет. Вот Эустако, к примеру; он и по торговой части горазд, и к ремеслам способен, и приглядеть за чужим, да и за своим добром может. Словом, он из тех, кто всегда пробьет себе дорогу, да к тому же еще и при деньгах. А Пирро только бы по тавернам шляться да игорным домам... такой лодырь и в раю подохнет с голоду.

Никомako. А разве не сказал я тебе, что намерен дать ему денег?

Софрония. А я разве не сказала тебе, чтобы ты гнал его прочь? Еще раз скажу, Никомako: ты тратил деньги на содержание девчурки, а я — силы на ее воспитание! А потому я тоже имею право решать ее судьбу. Если же ты будешь упорствовать, то я подыму такой шум и учиню такой скандал, что тебе не поздоровится и ты соришишь со стыда. Иди и хорошенько подумай над моими словами!

Никомako. Это еще что за новости? Ты что, сдурела? Теперь-то уж я во что бы то ни стало добьюсь своего и выдам Клицию за Пирро. Сегодня же вечером обвенчаем их... а нет — пусть лопнут твои глаза!

Софрония. Ну, это еще бабушка надвое сказала.

Никомаско. Ах, ты еще болтать и пугать меня? Делай, что тебе сказано! Или ты думаешь, что я совсем ослеп? Не понимаю, к чему ты клонишь? Одно дело желать добра детям, но другое — прикрывать их бесчестье.

Софрония. Чего ты мелешь? При чем тут бесчестье?

Никомаско. Уж лучше помолчи! Мы-то отлично понимаем друг друга! Поди, оба не вчера родились! Лучше уж давай покончим дело полюбовно, ибо если мы оба будем лезть на рожон, то только станем посмешищем в глазах соседей.

Софрония. Это ты лезешь на рожон. А побрасываться девчуркой я не позволю. За нее я не то что дом переверну вверх дном, но всю Флоренцию.

Никомаско. Эх, Софрония, Софрония, тот, кто прозвал тебя Софронией, впал в тяжкую ошибку! Ведь по-гречески это значит не более и не менее как «здоровыслящая». Но здоровысля-то в тебе и вот настольно нет!

Софрония. Ради всего святого, мне пора к мессе! Вернусь — тогда договорим.

Никомаско. Обожди! Разве нет способа уладить это дело без того, чтобы нас приняли за сумасшедших?

Софрония. За сумасшедших — нет, но за людей бесчестных — как пить дать.

Никомаско. Но ведь кругом столько людей набожных, столько родственников! Обратимся к ним, пусть рассудят. Как скажут — так и поступим.

Софрония. Хочешь вынести домашние наши дрязги на площадь?

Никомаско. Коли боишься родственников и друзей — давай обратимся к священнику. Ему мы объявим все как на духу и избежим огласки.

Софрония. К кому же обратимся?

Никомаско. Как к кому? Понятно, к брату Тимофею, домашнему нашему исповеднику. Ведь он почти святой, да и по части чудес большой мастак.

Софрония. Каких это чудес?

Никомаско. Вот те на! Да разве ты не знаешь, что его молитвами монна Лукреция, будучи бесплодной, понесла от мессера Ничи Кальфуччи?

Софрония. Эко чудо! Да для монаха обрюхатить

женщину — раз плюнуть. Вот обрюхать ее монашка — дело другое!

Н и к о м а к о. Послушай, жена, долго ты будешь молоть вздор и мне перечить?

С о ф р о н и я. Сейчас я спешу к мессе, но заруби себе на носу: в свои домашние дела я не желаю никого посвящать!

Н и к о м а к о. Ну иди, иди. Буду ждать тебя дома. *(Оставшись один.)* Пожалуй, и в самом деле лучше никуда не отлучаться, не то они еще куда-нибудь спрячут Клицию.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С о ф р о н и я, одна.

С о ф р о н и я. Тот, кто знал Никомако год назад и видит его теперь, — не может не поражаться, сколь переменился он за это время! Прежде он был сама рассудительность и спокойствие. Время свое проводил он в неустанных трудах: вставал спозаранку, шел в церковь, распорядился по дому; затем — если бывала нужда — отправлялся на площадь, на рынок, в присутственные места; если нужды в том не было — уединялся с кем-нибудь из сограждан для степенного разговора или шел к себе и погружался в деловые бумаги и счетные книги; после чего приятственно обедал в кругу семьи, а отобедав — занимался с сыном, наставлял его, рассказывал назидательные истории о доблестных мужах и при помощи многообразных примеров из античной и современной истории обучал его жизни; затем снова выходил из дома либо по делам, либо для честного и серьезного времяпрепровождения. Возвращался же всегда до вечерней молитвы. Немного посидев с нами возле камелька — если дело было зимой, — он направлялся в свою комнату и работал. А около девяти вечера все весело садились за ужин. Таковой его образ жизни являлся примером для всех домашних, и всякий устыдился бы не следовать его примеру. Так размеренно и приятно текла наша жизнь. Но с тех пор, как в голову ему вскочила эта напасть, он забросил все дела, имения стали приходить в упадок, торговля — хиреть. Стал поминутно на всех кричать, и безо всякой к тому причины; по тысяче раз на день куда-то бегают, сам не зная

куда и зачем. Если заговариваешь с ним — не отвечает или отвечает невпопад. Слуги же, видя все это, открыто смеются над ним, сын перестал уважать отца. Всякий поступает, как ему Бог на душу положит... все пустились по стопам хозяина. Коли только Господь не смилостивится, то, думаю, бедному нашему дому скоро наступит конец. Поспешу-ка я к мессе и припаду к ногам Спасителя нашего с жаркой молитвой. А вон и Пирро с Эустацьо ругаются на чем свет стоит. Хорошие мужья для нашей Клиции, нечего сказать!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пирро, Эустацьо.

Пирро. Ты зачем во Флоренции, бездельник ты этакий?

Эустацьо. Не твое собачье дело.

Пирро. Ишь начистился, словно ночной горшок.

Эустацьо. Безмозглая ты скотина! Не пойму, как это еще мальчишки не забросали тебя камнями!

Пирро. А вот посмотрим, у кого больше мозгов!

Эустацьо. Моли Бога, пусть продлит дни твоего хозяина, не то ходить тебе с сумой.

Пирро. Ты видел Никомако?

Эустацьо. А тебе что за дело?

Пирро. Узнаешь! Вертайся-ка ты, пока не поздно, в деревню, коли не хочешь, чтобы тебя выпроводили туда под стражей.

Эустацьо. Уж так мешаю тебе во Флоренции?

Пирро. Не так мне, как другим.

Эустацьо. Пусть других это и заботит.

Пирро. О твоём же благе пекусь, балда ты этакий!

Эустацьо. А почему ты ухмыляешься?

Пирро. Смотрю, хороший муж из тебя получится!

Эустацьо. Знаешь, не стыдно таскать суму рабочую, но если Клиция выйдет за тебя, ей придется таскать суму нищенскую. Пусть уж лучше Никомако утопил бы ее в этом вот колодце! По крайней мере бедняжка б враз умерла, не мучаясь.

Пирро. Ах, гнусная ты деревенщина, провонявшая навозом! И ты думаешь уместить паскудные свои тела рядом с такой куколкой?

Э у с т а к ь о. А какво бы ей было с тобой? Ежели горестная судьба вручит ее тебе, то не пройдет и года, как она либо по рукам пойдет, либо с горя помрет. Впрочем, в первом случае ты будешь с ней заодно! Тебе ведь только этого и надо.

П и р р о. Болтай, болтай! Смеется тот, кто смеется последний. Пойду-ка я лучше домой, не то разберет охота проломить тебе голову.

Э у с т а к ь о. А я вернусь в церковь.

П и р р о. Вот-вот! Правильно! И не кажи оттуда носа, покуда находишься там в неприкосновенности.

КАНЦОНА

Сколь хороша любовь во цвете лет,
настолько не пристала
тому, кто пережил давно расцвет.

С годами власть Амура сообразна —
и в юности он премного чтим,
а старость редко не чужда соблазна.
Так что оставьте это молодым,
о старики, — они на вашем месте
Амуру больше чести
способны оказать, сомнений нет.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Никомако, Клеандро.

Н и к о м а к о. Клеандро! Клеандро!

К л е а н д р о. Отец!

Н и к о м а к о. А ну-ка сюда! Не понимаю, какого дьявола торчишь ты все время дома? Тебе не стыдно позорить девчурку? Взять хоть теперь: карнавал, сверстники твои разгуливают в масках, играют, веселятся. А ты сиднем сидишь и даже признаков жизни не подаешь.

К л е а н д р о. Не радуют меня такие развлече-

ния, да и прежде не радовали. Мне больше по душе побыть одному, чем водиться со всякими компаниями. Нынче же особенно не хочу отлучаться... вижу, что вы дома, вот и хочу быть, на всякий случай, у вас под рукой.

Н и к о м а к о. Ого, вот уж подходящий предлог надумал! Знаю, знаю, что ты сынок примерный! Но мне вовсе не нужно, чтобы ты вечно торчал тут под боком! У меня есть слуги, да еще управляющий, и потому утруждать тебя поручениями нет никакой нужды.

К л е а н д р о. Господь с вами, отец! Какой же тут труд? Для меня это одно удовольствие.

Н и к о м а к о. Удовольствие или нет — не знаю, но твердо знаю одно: твоя мать рехнулась и состояние наше пустит на ветер, это уж как пить дать!

К л е а н д р о. Она или кто другой.

Н и к о м а к о. Кто же другой?

К л е а н д р о. Не знаю.

Н и к о м а к о. И хорошо делаешь, что не знаешь. Но что думаешь ты о Клиции и о том, что творится вокруг нее?

К л е а н д р о (*бормочет*). Кажется, понятно, куда вы клоните!

Н и к о м а к о. Чего ты бормочешь? Громче, ничего не понял!

К л е а н д р о. Да, право, не знаю, что и сказать.

Н и к о м а к о. А тебе не кажется, что твоя мать просто из кожи вон лезет, лишь бы не отдать Клицию Пирро?

К л е а н д р о. Не понял!

Н и к о м а к о. А я, между прочим, говорю ясно: ты принял сторону матери, и за этим что-то кроется! Скажи, однако ж, разве хорошо было бы Клиции с Эустако...

К л е а н д р о. Не знаю и не хочу знать.

Н и к о м а к о. Так что же, черт побери, ты знаешь?

К л е а н д р о. Только не это.

Н и к о м а к о. И тем не менее ты вызвал Эустако сюда, во Флоренцию, спрятал его от меня и всячески мешаешь свадьбе с Пирро. Но я засажу тебя в тюрьму вместе с Эустако, отдам Софронии ее приданое и выгоню вон! Я здесь хозяин, и пусть все это зарубят себе на носу! Хочу, чтоб свадьба состоялась сегодня же вечером! Надо будет — я и дом подпалю! Обожду здесь Соф-

ронию, посмотрю, не образумилась ли она. Клянусь честью, я не допущу, чтобы глупцы восторжествовали. Иди, и если хочешь себе и всему нашему дому добра, то попробуй уговорить мать. Пусть не перечит мне. Найдешь ее в церкви, а я буду ждать вас здесь. Если же повстречаешь этого негодяя Эустако — вели немедленно явиться ко мне, иначе плохо ему придется!

К л е а н д р о. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К л е а н д р о, один.

К л е а н д р о. О, злосчастные влюбленные! Сколь часто горестные обстоятельства омрачают нам жизнь! Мне ведомо, что тот, кто, подобно мне, любит существо столь прекрасное, как Клиция, неизбежно обретает множество соперников, причиняющих неисчислимые муки! Но никогда еще я не слыхивал, чтобы соперником становился родной отец! Ведь в то время, как другие влюбленные юноши находили хотя бы частичное утешение и поддержку в своих отцах, я нахожу в своем лишь источник бед. Если мать и потворствует мне, то делает это не по душевной склонности, но всего лишь в пику злокозненным умыслам отца. Открыто же признаться в своей любви я не могу, ибо мать сразу же сообразит, что сговорился я обо всем с Эустако по тем причинам, что и отец с Пирро. А уж тут совесть не позволит ей продолжать потворство, и она все предоставит течению событий. Тогда — прощай надежды и да здравствует смерть!.. А вот и мать выходит из церкви. Попробую выведать у нее, что она такое задумала, чтобы расстроить козни старика.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К л е а н д р о, С о ф р о н и я.

К л е а н д р о. Да хранит вас Господь!

С о ф р о н и я. Клеандро, ты из дому?

К л е а н д р о. Прямехонько.

С о ф р о н и я. После моего ухода ты был все время дома?

К л е а н д р о. Ни на секунду не отлучался.

С о ф р о н и я. Где Никомако?

К л е а н д р о. Дома. После всего случившегося он никуда не хочет отлучаться.

С о ф р о н и я. Бог с ним! Посмотрим, кто кого перехитрит. Он тебе что-нибудь сказал?

К л е а н д р о. Наговорил кучу гадостей. Кажется, в него сам бес вселился. Нас с Эустако он хочет упрятать в тюрьму, вам он хочет вернуть приданое и выгнать вон. А еще — грозитя поджечь дом. Мне он велел отыскать вас и попробовать склонить на эту свадьбу. Иначе, говорит, вам же будет хуже.

С о ф р о н и я. А ты что скажешь?

К л е а н д р о. Что могу я сказать? Я люблю Клицию как родную свою сестру и готов отдать все на свете, лишь бы она не досталась Пирро.

С о ф р о н и я. Уж не знаю, как ты ее там любишь, но одно скажу тебе: когда б все дело заключалось в том, чтоб вырвать Клицию из рук Никомако и отдать тебе — я б не дрогнула. Однако, полагаю, Эустако не захочет отказаться от нее, а твоя любовь к невесте, которую мы тебе прочим, заставит тебя позабыть любовь к Клиции.

К л е а н д р о. Вы, матушка, рассудили разумно. И тем не менее умоляю вас приложить все старания, чтобы расстроить свадьбу. И уж когда ничего другого не останется, как только выдать ее за Эустако, то согласиться. Но буде представится к тому возможность — всего лучше не спешить со свадьбой вообще. Она ведь совсем еще юная, и годы не подгоняют ее. А вдруг небеса возьмут да вернут ее родителей? И коли они окажутся людьми знатными, то навряд ли возрадуются тому, что вы выдали ее за слугу или деревенщину!

С о ф р о н и я. Ты хорошо сказал. Я тоже так считаю, но прыть нашего старика сбивает меня с толку. Впрочем, я напридумывала уйму уловок, чтобы расстроить его козни, и, уж верно, хоть одна из них да срабатывает. Теперь же — пойду домой, ибо вижу Никомако, который высматривает кого-то у входа. А ты отправляйся в церковь и скажи Эустако, чтобы он не мешкая шел к нам и ничего не боялся.

К л е а н д р о. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Никомако, Софрония.

Никомако. А, вот и жена возвращается! Попробую-ка я доброй шуткой добиться своего. Деточка моя, голубушка, неужто вид твоего муженька, твоей опоры и надежды, не возвеселит тебя? Побудь немного со мной.

Софрония. Оставь,пусти меня!

Никомако. Постой, тебе говорю!

Софрония. Не хочу, ты пьян.

Никомако. Дай обнять тебя!

Софрония. Ты что, рехнулся?

Никомако. Рехнулся, лишь только потому, что слишком тебя люблю?

Софрония. Не хочу я твоей любви!

Никомако. Быть того не может!

Софрония. Ты что, убить меня хочешь, чудовище ты этакое!

Никомако. Нет, скажи правду!

Софрония. Так вот и скажи?

Никомако. Да посмотри на меня, сокровище мое!

Софрония. Не только вижу тебя, но и запах чую; нечего сказать — хорош!

Никомако (*в сторону*). Таки учуяла, стерва! Пусть будет проклят прощельяга, что меня опрыскал!

Софрония. Откуда, старый дурень, этот запах?

Никомако. Да проходил тут один продавец... я поздоровался с ним за руку, вот запах и пристал ко мне.

Софрония (*в сторону*). Так и знала, что вывернется, скотина! (*К Никомако.*) И тебе не стыдно за все то, что ты вытворяешь в нынешнем году? Вечно таскаешься с молодыми оболтусами, шляешься по тавернам, не вылазишь из сомнительных домов, где и женщины, и азартные игры, соришь деньгами направо и налево. Хороший пример подаешь ты сыну! Вот после этого и выходи замуж за этаких красавцев!

Никомако. Уж, пожалуйста, жена, не вываливай мне на голову все мерзости зараз! Оставь хоть что-нибудь на завтра! Но разве не разумно было бы, чтобы ты поступила по-моему, а не я по-твоему?

Софрония. Конечно, когда бы речь шла о вещах небесчестных.

Н и к о м а к о. А чего бесчестного находишь ты в том, чтобы выдать замуж нашу девчурку?

С о ф р о н и я. Ничего, если замужество это доброе.

Н и к о м а к о. А чем же Пирро ей не ровня?

С о ф р о н и я. Никак не ровня.

Н и к о м а к о. Почему же?

С о ф р о н и я. Я тебе уже объясняла почему.

Н и к о м а к о. В таких делах я разбираюсь лучше.

Ну, а если я сделаю так, что Эустацьо сам не захочет ее?

С о ф р о н и я. А если я сделаю так, что и Пирро ее не захочет?

Н и к о м а к о. Добро, по рукам! Ты поговори с Пирро, я — с Эустацьо. Кому из нас удастся уговорить — того и взяла.

С о ф р о н и я. Согласна. Иду домой и поговорю с Пирро, а ты потолкуй с Эустацьо, который, вон видишь, выходит из церкви.

Н и к о м а к о. Быть по сему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эустацьо, Никомако.

Эустацьо (*в сторону*). Поскольку Клеандро велел мне идти домой и ничего не бояться, то напущу-ка я на себя вид подбрее.

Никомако (*в сторону*). Хотел я изругать этого паршивца на все корки, да раз уж нужно просить — лучше поостерегусь. (*Зовет.*) Эустацьо!

Эустацьо. Хозяин!

Никомако. Давно во Флоренции?

Эустацьо. Со вчерашнего вечера.

Никомако. Однако ж ты не очень-то спешил объявиться! Где ты пропадал?

Эустацьо. А вот слушайте. Еще вчера утром я почувствовал себя как-то скверно: болела голова, заложило горло, лихорадило. А поскольку отовсюду ползут слухи о моровой язве, то вот я и засомневался. Вчера вечером приехал я во Флоренцию, остановился на постоялом дворе; идти же к вам забоялся — вдруг заражу вас и ваших домашних. Но, слава Богу, все обошлось, и сегодня я чувствую себя совсем здоровым.

Никомако (*в сторону*). А ведь придется притво-

риться, будто верю ему! (К Эустахью.) И разумно поступил, сын мой! Значит, теперь ты уже совсем излечился?

Э у с т а х ю. Да, хозяин.

Н и к о м а к о (в сторону). Излечиться-то, может, и излечился, да только не от плутней! (К Эустахью.) Очень, очень рад. Ты, поди, уже наслышан о распре между мной и женой из-за Клиции? Жена хочет выдать ее за тебя, я же прочу ее за Пирро.

Э у с т а х ю. Значит, вы любите больше Пирро?

Н и к о м а к о. Как раз наоборот: я прочу ее за Пирро именно потому, что люблю тебя больше. Зачем тебе такая жена? Тебе тридцать восемь лет, и столь юная девица вовсе тебе не пара. Прожив с тобою несколько месяцев, она, как водится, подыщет себе парня помоложе, и ты начнешь страдать. А уж тогда какой от тебя прок? Я не смогу доверять тебе и буду вынужден прогнать. Ты же, лишившись места, впадешь в нищету и пойдешь по миру с протянутой рукой.

Э у с т а х ю. На нашей грешной земле обладатель жены-красавицы не может обнищать; огнем и женой можно делиться с кем угодно, ибо чем сильнее пламя, тем лучше ты обогреваешься.

Н и к о м а к о. Значит, ты хочешь жениться на ней вопреки моей воле?

Э у с т а х ю. Зато в угоду своей собственной.

Н и к о м а к о. Вон с глаз моих! Ступай в контору! (В сторону.) Ну не болван ли я был, когда понадеялся на благодарность и учтивость этого мужлана? (Вслух.) Раз так, я поговорю с тобой иначе! Приготовь счета, вались к черту и знай, что стал злейшим моим врагом, а уж я постараюсь насолить тебе, как смогу.

Э у с т а х ю. Лишь бы Клиция стала моей, а на остальное я чихал.

Н и к о м а к о. Виселица станет твоей!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пирро, Никомако.

Пирро. Прежде чем я поступлю по-вашему, я лучше дам освежевать себя!

Н и к о м а к о (в сторону). Дело идет на лад! Пирро преисполнен решимости. (К Пирро.) Что с тобой? С кем ты развоевался?

П и р р о. С теми, с кем и вы воюете.

Н и к о м а к о. Что она сказала? Чего она хочет?

П и р р о. Хочет, чтобы я отказался от Клиции.

Н и к о м а к о. А ты что ей ответил?

П и р р о. Что я дам скорее себя четвертовать, чем откажусь.

Н и к о м а к о. Ты хорошо ответил.

П и р р о. Ответил-то, может, и хорошо, да вот правильно ли я поступил — не знаю, ибо через это я заделался разом врагом супруги вашей, вашего сына и всех прочих домашних.

Н и к о м а к о. Вот уж не печаль! Знаешь, важно со Вседержителем поладить, а на Его присных можно и чихнуть!

П и р р о. Можно-то можно, да только коли вы помрете — присные мне попомнят.

Н и к о м а к о. Не бойся. Я отпишу тебе такую часть наследства, что присные не сумеют тебе напакустить. А если и пожелают, то законы и власти сумеют защитить тебя — лишь бы с твоею помощью я получил возможность насладиться Клицией.

П и р р о. Ох, не верится! Уж так распалилась против вас супруга ваша.

Н и к о м а к о. Чтобы покончить с распрями о том, кому достанется Клиция, я решил предоставить дело жребию. Тут уж и Софрония вынуждена будет смириться.

П и р р о. А если Фортуна повернется к вам спиной?

Н и к о м а к о. Будем уповать на Всевышнего. Он этого не попустит.

П и р р о. *(в сторону)*. О, старый безумец! Он еще хочет, чтобы Господь спешествовал ему в его гнусностях! *(Вслух.)* Но ведь и Софрония уповает на Бога?

Н и к о м а к о. Пусть себе уповает, да только если выбор будет не в мою пользу, я уже подумал, как спасти дело. Пойди позови сюда Софронию и Эустако.

П и р р о. Софрония! Хозяин зовет!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Софрония, Эустако, Никомако, Пирро.

Софрония. Я здесь! Какие-нибудь новости?

Н и к о м а к о. Надо положить этому делу конец. Раз эти двое не могут прийти к соглашению, нужно, чтобы согласились мы с тобой.

Софрония. К чему такая настырность? То, что нельзя решить сегодня, мы сможем решить завтра.

Никомako. Нет! Я желаю покончить с этим сегодня же.

Софрония. Воля твоя. Оба соискателя тут налицо. Но интересно, как же ты собираешься все решить?

Никомako. А вот как: поскольку к соглашению мы прийти не можем, то давай предоставим все жребию.

Софрония. То есть как это жребию?

Никомako. А так: в одну сумку мы опустим бумажки с именами Эустако и Пирро, а в другую — бумажку с именем Клиции и чистую бумажку. Сначала пусть тащат бумажку с именем одного из них, и если тому, кто вытащит первым, достанется бумажка с именем Клиции — второй пусть уж наберется терпения. Хорошо придумано? Тебе не подходит?

Софрония. Почему же. Я согласна.

Эустако. Подумайте, что вы делаете!

Софрония. Я подумала и знаю, что делаю. Сходи домой, напиши имена на бумажках и принеси две сумки, и либо я избавлюсь таким способом от всех хлопот, либо обреку себя на еще большие труды и тревоги.

Эустако. Иду.

Никомako. Значит, решено. Молись, Пирро, чтобы Всевышний ниспослал тебе удачу.

Пирро. Ниспослал вам, хозяин.

Никомako. Ты хорошо рассудил. Твоя удача будет для меня радостной наградой.

Эустако. Вот сумки и билетки.

Никомako. Дай сюда. Здесь что написано? «Клиция». А здесь? Пустьшка. Отлично. Клади вот в эту сумку. А на этой бумажке? «Эустако». А тут? «Пирро». Сверни их и положи в другую сумку. Так, смотрите внимательно, чтобы не было никакого мошенничества.

Софрония. Люди подозрительные хорошими не бывают.

Никомako. Пустое! Знай, что только тот не бывает обманут, кто никому не верит. Так кто же будет тянуть жребий?

Софрония. Сам определи!

Никомako. Подойди сюда, сынок.

Софрония. Нужно, чтобы это был невинный ребенок.

Н и к о м а к о. Невинный или нет, не знаю, я его не нянчил. Тащи из этой сумки билетик после того, как я произнесу молитву. О пресвятая Аполлония, молю тебя и всех святых покровительниц браков ниспослать Клиции великую милость: пусть выйдет билетик с именем того, кто приходится нам более по вкусу. Теперь же, перекрестившись, тащи. Дай сюда! О, черт, я погиб! «Эустакьо»!

С о ф р о н и я. Что? Господи, соверши чудо! Не попусти совершиться неправому делу!

Н и к о м а к о. Тащи другой. Дай мне! Пустышка! Я воскрес, мы победили! Пирро, ликуй! Эустакьо сгинул. Софрония, Господу стало угодно отдать Клицию Пирро, возжелай же этого и ты вместе с нами!

С о ф р о н и я. Я согласна.

Н и к о м а к о. Тогда пойд и распорядись о свадьбе.

С о ф р о н и я. Куда спешить? Разве нельзя обождать до завтра?

Н и к о м а к о. Нет, нет и нет! Разве не слышишь, что нет? Уж не измыслила ли ты еще какую-нибудь ловушку?

С о ф р о н и я. Да ведь так спешат только животные! Разве не должна она сперва послушать венчальную мессу?

Н и к о м а к о. Венчальная месса! Эка важность! Послушает в другой раз. Разве тебе не ведомо, что отпущение грехов дается как тому, кто покается после, так и тому, кто покается до?

С о ф р о н и я. Боюсь, что она еще и до обычных женских месячных не доросла!

Н и к о м а к о. Ерунда! За ночь с мужчиной дорастет! Я желаю, чтобы ты нынче же вечером повела их и обручила. Мне начинает казаться, что ты не понимаешь меня.

С о ф р о н и я. Сам веди ее, и да будет проклят этот час! Пошли в дом, и ты сам объявишь несчастной девчурке свою волю, хоть я и не думаю, что она, согласно обычаю, подарит тебе за эту добрую весть чулки!

Н и к о м а к о. Достанет с меня и ее штанов. Пошли.

С о ф р о н и я (в сторону). Пусть сам идет, а я поищу Клеандро. Быть может, он еще отыщет средство предотвратить беду.

КАНЦОНА

Кто женщине обиду
невольно или вольно нанесет —
не вымолит себе прощенья тот.

Когда на землю женщина приходит,
ее душа полна
гордыни и не знает снисхожденья:
при помощи жестокости она
и лжи легко находит
любим своим желаньям утоленье;
и если ослепленье —
гнев или ревность — женщину ведет,
нет силы той, что эту превзойдет.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К л е а н д р о, Э у с т а к ь о.

К л е а н д р о. Возможно ли, что моя мать решилась столь безрассудным образом пожертвовать честью нашего дома?

Э у с т а к ь о. Все произошло именно так, как я тебе рассказал.

К л е а н д р о. О, есть ли человек несчастнее меня? Есть ли судьба горестнее? Никто со мной не считается, свадьбу назначают без моего участия, все совершается по прихоти старика! О Фортуна, будучи женщиной, уж ты-то должна была охранить молодых! Ты же на сей раз приняла сторону стариков! Не стыдно ли тебе предписывать, чтобы столь прелестное личико целовано было зловонной пастью? Чтобы столь нежные ручки обвивались вокруг грязных телес? Ведь даже не Пирро, но Никомако — как полагаю я — будет владеть Клицией. Ты не могла, о зловредная Фортуна, нанести мне более тяжкого удара, отняв одним махом и возлюбленную, и богатство; ибо, если любовь эта будет длиться, Никомако оставит большую часть своего имущества Пирро, а не мне, законному наследнику. Ох, не хотел бы

я повстречать сейчас Софронию! Иначе пришлось бы высказать ей все, что я думаю о безрассудном этом жребии.

Э у с т а к ъ о. Ободришь, Клеандро, думается мне, что твоя мать поспешила в дом, дабы не допустить старую развалину до облюбованного им цветочка. Вот, кстати, и ваш отец вместе с Пирро, и оба так веселы.

К л е а н д р о. Ты, Эустако, беги домой, а я спрячусь тут и послушаю, что они там затеяли.

Э у с т а к ъ о. Бегу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Н и к о м а к о, П и р р о, К л е а н д р о.

Н и к о м а к о. О, сколь счастливо идут наши дела! Видал, как все они приуныли, в каком отчаянье жена? И все это меня несказанно радует; но стократ усилится мое блаженство, когда возьму я Клицию под руку, дотронусь до нее, поцелую, обниму. О, сладчайшая ночь! Когда же ты наступишь наконец? И всем этим я обязан только тебе! Я твой должник вдвойне!

К л е а н д р о (*в сторону*). О, старый безумец!

П и р р о. Охотно верю, однако ж не верится мне, что сегодняшней ночью вы добьетесь своего. Представится ли к тому случай?

Н и к о м а к о. Еще бы не представился! Ты только послушай, как складно все задумано.

П и р р о. Интересно!

К л е а н д р о (*в сторону*). А мне-то уж и подавно! Авось услышу такое, что мне поможет расстроить ваши козни.

Н и к о м а к о. Ты знаешь нашего соседа Дамоне? Ну, того, у кого я откупил дом в твою пользу?

П и р р о. Знаю, конечно.

Н и к о м а к о. Так вот: ты должен привести Клицию к Дамоне, пока он еще там живет и дом не освободил. В присутствии своих я скажу, чтобы ты привел свою нареченную в дом, где вам надлежит поселиться.

П и р р о. Ну, а что же произойдет потом?

К л е а н д р о (*в сторону*). Навостри уши, Клеандро!

Н и к о м а к о. Я повелел жене позвать Сострату, жену Дамоне, чтоб та помогла устроить свадьбу и убрать невесту. Дамоне я скажу, чтоб он приказал супруге все в точности так и исполнить. После свадьбы Сострата отведет Клицию к себе домой, уложит в постель и вернется к нам. Я же скажу своим, что побуду с Дамоне еще некоторое время в трактире, а Софрония и Сострата останутся у нас дома. Ты, оставшись наедине с Клицией, потушишь свет и покрутишься по комнате, делая вид, что раздеваешься; а я в это время потихонечку шмыгну в спальню, разденусь и залезу в постель к Клиции. Ты же устроишься на диванчике и там притаишься. Перед рассветом я, под предлогом сходить по нужде, подымусь, оденусь, а ты займешь мое место в кровати.

К л е а н д р о (*в сторону*). О, старый негодник! Как счастлив я, что проник в нечестивые твои замыслы! И сколь несчастлив ты, тайный замысел которого стал явным!

П и р р о. Да, уж поистине вы решительно все предусмотрели. Но об одном все же нужно подумать всерьез: этой ночью вы должны так вооружиться, чтобы казаться молодцом, ибо сомневаюсь я, чтобы старость себя не выдала даже в темноте.

К л е а н д р о (*в сторону*). Ну, с меня хватит услышанного. Пойду поищу мать.

Н и к о м а к о. Я и это предусмотрел! Как другу тебе откроюсь: на ужин с Дамоне я заказал еду, подходящую случаю. Прежде всего я приму питье, замешанное на соке орхидей. Оно очень укрепляет мужскую силу и называется сатирионом.

П и р р о. Какое чудное название!

Н и к о м а к о. Зато питье чудодейственное! Оно способно омолодить не то что семидесятилетнего, вроде меня, но девяностолетнего старца. Выпив это снадобье, я поужинаю. Скромно, но с толком. Начну с салата из вареного лука, затем пойдет фасоль, сильно приправленная всякими специями.

П и р р о. А это зачем?

Н и к о м а к о. Как зачем? Да ведь лук, фасоль и специи, будучи еще к тому же горячими, обладают такой силой, что способны надуть паруса даже тяжелым генуэзским баркам. Напоследок же надо съесть крупного голубя, только не пережаренного, а так, чуть-чуть с кровью.

П и р р о. Смотрите не повредите желудку, ибо пищу эту надлежит тщателью прожевывать. Вам же придется ее глотать, ибо я не вижу в вашем рту мощных клыков.

Н и к о м а к о. За меня не бойся. Хоть во рту у меня и маловато зубов, зато челюсти покрепче толедской стали.

П и р р о. Значит, когда вы покинете Клицию и я залезу на ваше место, то мне не придется трудиться, ибо, надо полагать, бедняжка будет к тому времени уже сильно измучена?

Н и к о м а к о. А разве не лучше, если за тебя поработает твой хозяин?

П и р р о. Хвала Господу нашему за то, что он даровал мне супругу, с которой я не буду знать ни трудов, ни расходов по ее содержанию.

Н и к о м а к о. Иди домой, пригляди за приготовлениями к свадьбе, а я поговорю с Дамоне, который, как я вижу, выходит из дверей своего дома.

П и р р о. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н и к о м а к о, Д а м о н е.

Н и к о м а к о. Наступил час, дорогой Дамоне, когда ты можешь доказать всю силу своей дружбы. Спеши освободить дом, пусть в нем не остается ни твоей жены, ни кого другого, ибо я желаю распорядиться так, как я тебе уже сказывал.

Д а м о н е. Чтобы угодить тебе, я готов на все.

Н и к о м а к о. Я велел жене позвать твою Сострату, дабы она помогла в свадебных хлопотах. Проследи, чтобы Сострата шла не мешкая, едва только моя жена ее кликнет. Да еще накажи ей непременно захватить с собою служанку.

Д а м о н е. Положись на меня.

Н и к о м а к о. Сейчас я отлучусь по делу, закажу все, что надо, и мигом буду обратно. Ты же подожди здесь Софронию и кликни свою жену. А вот и Софрония. До скорой встречи.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Софрония, Дамоне.

Софрония (*в сторону*). Понятно, для чего муженек мой просил вызвать жену Дамоне! Хочет всласть порезвиться в пустом доме! А, вот и сам Дамоне: о зеркало Флоренции, доблестный муж, предоставляющий свой дом для столь бесчестного и позорного деяния! Но я разделаюсь с ними так, что им по гроб жизни будет стыдно самих себя. А сейчас вгоню-ка я в краску этого бесстыжего.

Дамоне (*в сторону*). Странно, что Софрония стоит там на месте и вроде вовсе не собирается звать мою жену. А, нет! Идет сюда. Да хранит тебя небо, Софрония!

Софрония. И тебя тоже, Дамоне! Где твоя жена?

Дамоне. Сидит дома. Ждет, когда ты позовешь ее. Так просил твой муж. Позвать?

Софрония. Нет, нет, не надо! Видно, у нее и своих-то дел по горло!

Дамоне. Да нет, ничем она не занята.

Софрония. Пусть дома сидит, не хочу ее беспокоить. Позову, когда время приспееет.

Дамоне. А разве приготовления к свадьбе еще не начались?

Софрония. Начались.

Дамоне. Значит, надо помочь?

Софрония. Помощников и так хватает.

Дамоне (*в сторону*). Что же делать? Ну, попал я в передрыгу, и все по милости этого обезумевшего старца, этого слезливого, беззубого слюнтяя. Зачем мне было соваться к Софронии с предложением женских услуг, коли та в них вовсе не нуждается? Ведь теперь Софрония будет вправе думать, что этак я набиваюсь на ужин, будет презирать меня и считать лизоблюдом.

Софрония (*в сторону*). Таки вогнала его в краску! Ишь как кутается в плащ по самые уши! А теперь разыграю моего старикашку! Вон он плетется с рынка. Подохнуть мне на месте, если этот нечестивец не накупил там всяческих снадобий для омоложения, да еще надушился в придачу!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Никомако, Софрония.

Никомако. Ну-с, снадобье куплено, мазь для укрепления телесной мощи тоже куплена... Правду говорят, что хорошо оснащенному пускаться в поход вдвое легче. Дьявол, вон жена стоит! Неужели она меня слышала?

Софрония *(в сторону)*. Все, все слышала. Хорошо, коли после всех твоих гнусностей я до утра доживу.

Никомако. Ну как? Все в порядке? Сострату позвала на помощь?

Софрония. Я-то позвала, как ты велел, да вот милый твой дружок — уж не знаю, что он ей напел в уши, — сделал так, что она сказалась занятой.

Никомако. Это вовсе меня не удивляет, ибо врожденная твоя грубость не позволяет тебе договориться даже с самонужнейшими тебе людьми.

Софрония. А ты б хотел, чтобы я гладила Дамоне по щечке? Не умею я расточать ласки чужим мужьям! Иди и сам зови ее, раз уж тебе так по сердцу волочиться за чужими женами. Я же пойду домой готовить свадьбу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дамоне, Никомако.

Дамоне. Пойду взгляну — не вернулся ли наш влюбленный с рынка. Да вот он собственной персоной стоит у входа. А я-то тебя ищу!

Никомако. А я тебя, коварный ты друг! О чем мы с тобой договаривались? Хорошо же ты мне услужил!

Дамоне. Ты о чем?

Никомако. Прислал ты свою жену? Очистил дом от челяди? По твоей милости мне остается только в гроб лечь.

Дамоне. Давай полезай в петлю! Не ты ли сказал, что твоя жена позовет мою?

Никомако. Она и позвала, но Сострата не пожелала.

Д а м о н е. Все наоборот! Жена моя хотела пойти, да твоя не пожелала. И мало того что не пожелала — еще и обманула меня, а тебе нажаловалась. Черт бы побрал и тебя, и эту свадьбу, и всех прочих заодно!

Н и к о м а к о. Но ты-то хочешь, чтоб она пришла?

Д а м о н е. Да, хочу, и, разрази их Бог, хочу, чтоб и она, и служанка, и кошка — все бы побыстрее вытряхивались из дома! Ты займись своими делами, а я поспешу к себе, и я не я, если моя супружница вмиг не вылетит из дому.

Н и к о м а к о. Вот это слово настоящего друга! Вот теперь наверняка все пойдет как по маслу! О Боже, что за грохот несется из моего дома?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Д о р и я, Н и к о м а к о.

Д о р и я. Убивают, убивают! Бегите, спасайтесь! Отберите у нее нож! Спасайтесь! Софрония!

Н и к о м а к о. Что с тобой? Что случилось?

Д о р и я. Я погибла!

Н и к о м а к о. Как погибла?

Д о р и я. Я погибла, и вы тоже!

Н и к о м а к о. Да скажи, что с тобой?

Д о р и я. Не могу! Я вся взмокла! Помашите на меня своим плащом!

Н и к о м а к о. А ну отвечай, что с тобой, если не хочешь, чтобы я проломил тебе голову!

Д о р и я. Сжальтесь, хозяин, не будьте злыднем!

Н и к о м а к о. Признавайся, что с тобой и что происходит в доме!

Д о р и я. Пирро вручил Клиции кольцо и пошел проводить нотариуса до парадной двери. И тут Клиция, укушенная уж не знаю какой мухой, хватает кинжал и, разъяренная, простоволосая, бросается с криком: «Где Никомако? Где Пирро?» Софрония, Клеандро, я и все, кто находился в доме, напрасно пытаемся остановить ее. Клиция забилась в угол и кричит, что хочет вас зарезать. Тут все перепугались и бросились врассыпную. Пирро удрал на кухню и спрятался там за корзину с каплунами. Меня же послали предупредить вас, чтобы вы ни в коем случае не шли домой.

Н и к о м а к о. Я самый разнесчастный на свете человек! А нельзя отнять у нее кинжал?

Д о р и я. Пока никак.

Н и к о м а к о. А кому она грозит?

Д о р и я. Вам и Пирро.

Н и к о м а к о. Вот уж беда так беда! Заклинаю тебя, дочка, беги домой и ласковыми словами попробуй ее урезонить: пусть, дескать, выкинет дурь из головы и положит кинжал. В награду обещаю тебе подарить пару туфелек и шейный платок. Беги, спеши, моя радость!

Д о р и я. Бегу. Но домой являйтесь не раньше, чем я позову.

Н и к о м а к о. Страшно подумать, что за горе обрушилось на меня! Сколько бедствий стеснилось передо мной, дабы превратить счастливейшую заветную ночь в ночь самую черную, самую разнесчастную! Бросила она кинжал? Можно идти?

Д о р и я. Нет! Подождите!

Н и к о м а к о. О Господи, что-то меня еще ждет? Можно?

Д о р и я. Можно. Только не входите в комнату Клиции. Не надо, чтоб она вас видела. Идите на кухню к Пирро.

Н и к о м а к о. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Д о р и я, одна.

Д о р и я. Ох и заморочили мы голову старику! Но то ли еще будет! Старикашка и Пирро от страха носа не кажут из кухни, в гостиной остались те, кто накрывает к свадебному ужину, в спальне — женщины, Клеандро и оставшаяся часть прислуги. Они переодевают нашего слугу Сиро в одежды Клиции, а ее выряжают в его одежды... Так Сиро сойдет за невесту. А чтобы старикашка и Пирро до поры до времени не раскрыли обман — обоих загнали на кухню под предлогом ярости, в которую впала Клиция. Вот уж шутка так шутка! А, пожаловали Никомако с Пирро!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Никомако, Дория, Пирро.

Никомако. Ты что тут делаешь, Дория? Клиция утихомирилась?

Дория. Да, хозяин, не только утихомирилась, но даже пообещала Софронии не выходить из вашей воли. Софрония, правда, считает, что вам с Пирро покамест не следует показываться Клиции, боясь, как бы та снова не впала в бешенство. Когда же ее уложат в кровать — тогда уж дело за Пирро: не сумеет ее приручить — пусть пеняет на себя!

Никомако. Софрония рассудила умно: так мы и поступим. Теперь поспеши домой, там, поди, все перепарилось и пережарилось. Пусть все садятся за стол, а мы с Пирро поужинаем у Дамоне. Как только кончите — пусть Клицию ведут в спальню к жениху. Поторопи их, Дория, уже девять часов пробило... этак в беготне и вся ночь пройдет.

Дория. Ваша правда. Лечу.

Никомако. Ты, Пирро, побудь здесь. А я зайду к Дамоне, пропущу глоточек. И не вздумай входить в дом, чтобы снова не разозлить Клицию. Если же что случится непредвиденного — лупи опрометью за мной.

Пирро. Идите и не беспокойтесь, сделаю все, как вы велите. *(Один.)* Уж коли хозяин пожелал, чтобы я зараз остался и без жены, и без еды — ничего не попишешь. Думаю я, однако ж, что и за целый год не может приключиться столько страстей, сколько приключилось их за один сегодняшний день. Боюсь только, что это еще не конец и самое страшное впереди, ибо смешки, которые я расслышал в доме, ничего доброго не предвещают. Но вон, я вижу, появился факел... Ага, значит, свадебный ужин кончился. Надо позвать старика. *(Кричит.)* Никомако! Дамоне! Сюда, скорее! Невеста идет!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Никомако, Дамоне, Софрония, Сострата.

Никомако. Вот и они. Пирро, быстро домой! Лучше, чтобы невеста тебя не видела. Ты, Дамоне, выйди дамам навстречу и затей с ними разговор.

Софрония. О, бедная моя девчурка плачет, пла-

чет, не переставая! Видишь, даже платка не отнимает от глаз.

С о с т р а т а. Ничего, завтра будет смеяться! Все невесты так поступают. Никомако! Дамоне! Да пошлет вам Господь доброй ночи!

Д а м о н е. И вам также. Вы, милые наши жены, отведите новобрачную в спальню и возвращайтесь сюда. Дальше о ней позаботится Пирро.

С о с т р а т а. Ну, с Богом, пошли.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Н и к о м а к о, Д а м о н е.

Н и к о м а к о. Ты заметил, какая она подавленная? И почему-то вдруг вытянулась? Не иначе как туфли на каблучках сделали ее такой высокой.

Д а м о н е. Мне тоже показалась она крупнее, чем прежде. Никомако, друг мой, сколь счастлив должен быть ты! Ведь дело клонится к желанному концу. Уж постарайся, не ударь в грязь лицом. Иначе — пиши пропало.

Н и к о м а к о. Будь спокоен, Дамоне! Я не оплошаю! Подкрепившись по особому своему рецепту, я чувствую себя прочнее стали... А вот возвращаются и наши женщины.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Н и к о м а к о, С о с т р а т а, С о ф р о н и я, Д а м о н е.

Н и к о м а к о. Уложили ее в постель?

С о с т р а т а. Уложили, уложили.

Д а м о н е. Прекрасно. Теперь и мы приступим к делу. Ты, Сострата, иди спать к Софронии. Никомако же останется со мной.

С о ф р о н и я. С Богом, и да ниспошлет Он вам приятной ночи.

Д а м о н е. И вам такой же. Смотрите не поцарапайте друг друга!

С о с т р а т а. Нам-то бояться нечего! В отличие от вас, мужчин, мы безоружные, а вот вам советуем поостеречься.

Д а м о н е. Ну, мы пошли.

С о ф р о н и я. Мы тоже. Ступай, ступай. Никомако, припади к вожделенному фонтанчику, да не напорись на острый краник.

КАНЦОНА

Приятно жить обманом!
Обман, невзгодам ты предел кладешь,
простор давая планам,
и горечи ты сладость придаешь.
Заблудших ты зовешь
на правый путь — и твой призыв по нраву.
Достоинства твои
обогащают божество любви.
И камни побеждаешь ты по праву,
и горы, и отраву.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д о р и я, одна.

Д о р и я. Вот уж никогда так не смеялась, да, верно, и не буду смеяться. Ночь напролет дом наш сотрясался от хохота. Софрония, Сострата, Клеандро, Эустако — просто животики надорвали. Только и слышалось: «Вот Никомако входит в спальню, вот раздевается, вот пристраивается к новобрачной, вот натягивает паруса, вот дает «полный вперед». И пока все это мелькало в нашем воображении, влетают Сиро и Пирро, и общее веселье усиливается стократ. Самое забавное было глядеть на то, как Пирро потешался над Сиро: казалось, никому еще в нынешнем году не выпадало на долю столько радости и веселья. Под утро хозяйка послала меня взглянуть, что подельывает старикашка, как переносит он свою незадачу. А вот и он, тут как тут, да еще вместе с Дамоне. Спрячусь и послушаю — авось еще посмеемся всласть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дамоне, Никомако, Дория.

Д а м о н е. Ну и ночка была! Что там происходило? Ты как воды в рот набрал! Кто-то суетился, хлопал дверьми, вставал с постели, снова ложился — словом, ни минуты покоя! Я глаз не мог сомкнуть, тем более что комната моя находилась как раз под спальней. В конце концов мне это осточертело, я встал, вышел, и вот встречаю тебя здесь... а на тебе лица нет! Молчишь! Да ты и впрямь похож на мертвеца! Что происходит?

Н и к о м а к о. Братец ты мой, уж не знаю, куда и бежать, куда спрятаться от великого позора, которым я запятнал себя на старости лет. Я обещен до конца моих дней, и нет способов смыть это бесчестье, никогда уж не смогу явиться на глаза жене, сыну, родным и слугам своим. Я сам искал этого бесчестья, и жена помогла мне его найти. Я уничтожен. Прискорбно мне и твое соучастие, ведь все будут знать, что и ты приложил руку к злосчастному этому делу.

Д а м о н е. Что случилось? Ты ничего не сломал?

Н и к о м а к о. Что я должен был сломать, по-твоему? Эх, кабы голову я себе сломал!

Д а м о н е. Так что же случилось? Почему ты не хочешь сказать?

Н и к о м а к о. Ух! Ух! Ух! Я так страдаю, что навряд ли сумею толком объяснить.

Д а м о н е. Не будь ребенком! Какого черта с тобой приключилось?

Н и к о м а к о. Ты знаешь, как все тщательно было продумано? Так вот, согласно задуманному, я пробрался в спальню и тихо разделся. Потом, воспользовавшись темнотой, я устроился рядом с Клицией, а Пирро улегся на кушетку.

Д а м о н е. Ну а дальше-то что?

Н и к о м а к о. Ух! Ух! Ух! Я придвинулся к ней, затем, как это принято у всех новобрачных, хотел положить ей руку на грудь. Она же своею рукой схватила мою руку и не позволила. Я хотел поцеловать ее, а она уперлась ладонью в мое лицо и оттолкнула назад. Тогда я решил навалиться на нее всем телом, но она, изловчившись, так саданула меня коленом, что чуть не поломала мне ребра. Когда же я удостоверился, что силой

тут не возьмешь, я перешел к увещеваниям и сладкими и нежными речами пытался склонить ее к сдаче: «О сладчайшая душа моя, зачем ты меня мучишь? О радость моя, почему не дашь ты мне добровольно то, что другие жены охотно дают своим мужьям?» Ух! Ух! Ух!

Д а м о н е. Уйми слезы!

Н и к о м а к о. Я так страдаю, друг мой, что не нахожу себе места и не могу сдержать слез... Напрасно я продолжал щебетать. Она не только не подавала малейших признаков приязни, но даже не отвечала мне. Видя такое ее отношение, я перешел к проклятиям и угрозам: мол, сделаю тебе то-то и скажу еще то-то. И тут она, сжав в коленях ноги, дала мне пару таких пинков, что, не будь одеяла, я наверняка вылетел бы из постели на самую середину комнаты!

Д а м о н е. Быть того не может!

Н и к о м а к о. А вот, значит, может! Поступив таким образом, она перевернулась на живот и так прижалась к постели, что ее не свернули бы с места все подъемные машины, что заняты на стройке нашего главного собора. Я же, убедившись, что ни сила, ни угрозы тут не помогут, повернулся к ней спиной в надежде, что, быть может, к утру она сменит гнев на милость.

Д а м о н е. Вот это ты поступил разумно! Так ты должен был поступить с самого начала: не хочешь — не надо!

Н и к о м а к о. Обожди, я не кончил! Самое удивительное еще впереди. Притомившись от обиды и боли, я начал дремать. Как вдруг почувствовал какое-то колотье в боку, возле поясицы, — пять или шесть сильных таких ударов! Спросонья я завел туда руку и нащупал нечто такое твердое и острое, что заставило меня пулей выскочить из постели, ибо в ту же секунду вспомнил я о кинжале, которым Клиция грозила мне зарезать. Заслышав шум, спавший до тех пор Пирро проснулся. Я же, подстегиваемый не столько разумом, сколько страхом, велел ему сбежать за огнем, сказав, что Клиция приготовила кинжал и хочет нас зарезать. Пирро вмиг сбежал за светильником, и тут вместо Клиции мы увидели Сиро, моего слугу. Этот паршивец возлежал на постели совсем голый, давился от хохота и в знак полного презрения ко мне изображал рукой непотребные жесты.

Д а м о н е. Ха! Ха! Ха!

Н и к о м а к о. Эх, Дамоне, и ты еще смеешься?

Д а м о н е. Мне очень жаль, что все так произошло, но, право, нельзя удержаться от смеха.

Д о р и я (в сторону). А я пойду расскажу все хозяйке. То-то будет веселье.

Н и к о м а к о. Вот какая беда со мной стряслась, и, что самое скверное, все будут над ней потешаться, а мне остается только плакать. Даже слуги мои, Пирро и Сиро, нисколько не стесняясь меня, то хохотали навзрыд, то говорили какие-то гадости. Потом, кое-как одевшись, поспешили куда-то, скорее всего к моей жене и другим женщинам, и теперь, поди, хохочут все вместе. Итак, все надрывают животики, и одному Никомако слезы.

Д а м о н е. Полагаю, ты не сомневаешься, сколь огорчительна мне вся эта история, ибо из-за твоей влюбленности и я был втянут в эти плутни.

Н и к о м а к о. А можешь ты мне дать какой-нибудь совет? Ради Бога, хоть теперь не покидай меня!

Д а м о н е. Думаю — если, понятно, не подвернется счастливый случай, — ты должен целиком предать себя в руки Софронии. Скажи ей, что отныне и во веки веков она может поступать и с тобой и с Клицией как ей заблагорассудится. Ведь и ей тоже надо будет позаботиться о твоей чести, ибо, раз вы — муж и жена, любой твой позор становится и ее позором. Вот, кстати, и сама Софрония. Иди поговори с ней, а я пройду по улицам, загляну на рынок и послушаю, какие толки идут обо всем этом деле, и если что услышу, то уж постараюсь выгородить тебя как смогу.

Н и к о м а к о. Прошу тебя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Софрония, Никомако.

Софрония. Дория, служанка моя, сказала, что Никомако уже вышел из дому и вид у него самый прежалостный. Интересно, что-то теперь он мне скажет? А, вот он! Никомако!

Н и к о м а к о. Чего тебе?

Софрония. Куда ты собрался в такую рань?

Новобрачной-то ты хоть сказал два слова? Поинтересовался, как у них там получилось с Пирро?

Н и к о м а к о. Понятия не имею.

С о ф р о н и я. Кто же, если не ты, может его иметь? Разве не ты поставил вверх дном всю Флоренцию, чтобы добиться этой свадьбы? А теперь, когда дело сладилось, ты воротишь нос и выражаешь свое удивление!

Н и к о м а к о. Оставь меня в покое, не терзай!

С о ф р о н и я. Это ты терзаешь меня! Подумать только; я же должна утешать его в том, в чем он должен был утешать меня! Да вдобавок ко всему еще и проявлять внимание к новобрачным! Видал, я, а не ты, несущим подарок.

Н и к о м а к о. Знаешь, хватит издеваться надо мной. Станет и того, что я натерпелся в течение всего этого года, того, что я натерпелся вчера и особенно сегодняшней ночью.

С о ф р о н и я. Никогда я над тобой не издевалась и не подшучивала. Это ты сам вынудил нас так поступить, ты сам привел дело к столь злополучному для тебя концу! Ведь это ты не устыдился, воспитав в своем доме девчурку, выдать ее замуж за нерадивого пройдошливого слугу с единственной целью, дабы он не мешал тебе с ней баловаться! Неужто ты полагал, что имеешь дело со слепыми, с людьми, которые не способны помешать задуманному тобою неправому делу? Признаюсь, что это я сплела всю эту сеть, ибо другого средства заставить тебя одуматься и отказаться от злого умысла уже не оставалось, кроме как накрыть тебя с поличным в присутствии множества свидетелей. Пеняй уж на себя, коли ничто, кроме публичного срама, не могло остановить тебя. И все же даже сегодня, если только ты одумаешься, возьмешься за ум и захочешь стать прежним Никомако, каким ты был год назад, можно еще все спасти. Мы тоже забудем этот случай, и никто ничего не узнает. Ибо, сам знаешь, стоит выйти огласке, как сплетням и пересудам конца-края не будет.

Н и к о м а к о. Софрония, дорогая, поступай так, как тебе будет угодно: я готов не выходить из твоей воли, лишь бы дело не получило огласки.

С о ф р о н и я. Если ты и в самом деле так решил, то будь покоен. Никто ничего не узнает.

Н и к о м а к о. Где Клиция?

Софрония. Вчера, сразу после ужина, переодевшись в платье Сиро, она отправилась в монастырь.

Никомакко. А что говорит по этому поводу Клеандро?

Софрония. Он рад, что свадьба расстроилась, но горюет, не видя возможности заполучить Клицию в жены.

Никомакко. Пусть теперь это тебя заботит. Я же, со своей стороны, не полагаю разумным женить их, прежде чем мы не узнаем про ее родителей.

Софрония. Я с тобой согласна: сперва надобно узнать о ее родичах, да и у Клеандро может пройти охота жениться. Подождем. Пока же следует уничтожить ее помолвку с Пирро.

Никомакко. Делай как знаешь. А я пойду отдохну, ибо из-за этой проклятущей ночи я совсем не стою на ногах... к тому же я вижу Клеандро и Эустако, с которыми у меня нет охоты встречаться. Поговори с ними сама; скажи им о нашем с тобой решении. Хватит с них и того, что ихняя взяла, и пусть они об этом деле со мною больше не заговаривают.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеандро, Софрония, Эустако.

Клеандро. Видал, как старик заспешил домой? Его, поди, погнала Софрония. Вид у него прежалкий! Подойдем к ней и расспросим. Да хранит вас Господь, матушка! Что сказывает Никомакко?

Софрония. Бедняга пристыжен донельзя. Говорит, что впору хоть в петлю лезть, дал мне полную власть и хочет, чтобы впредь я всем распоряжалась по своему усмотрению.

Эустако. Значит, все в порядке? Я получу Клицию?

Клеандро. Постой, не спеши! Этот кусочек не для тебя.

Эустако. Вот здорово! Теперь, когда наша взяла, я теряю ее, как Пирро?

Софрония. Ни ты, ни Пирро не можете ее получить. Ни ты, Клеандро. Я так решила.

Клеандро. Распорядитесь по крайней мере вернуть ее домой, чтобы я мог хотя бы видеть ее.

С о ф р о н и я. Вернется она или нет — я еще решу. А теперь мы с Эустакьо пойдем домой, ты же, Клеандро, подожди здесь Дамоне и расскажи ему, как обстоят дела.

К л е а н д р о. Стало быть, я снова внакладе?

С о ф р о н и я. Когда-нибудь и на твоей улице будет праздник.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К л е а н д р о, один.

К л е а н д р о. Тогда, когда мне казалось, что я уже достиг гавани, злая судьба снова отшвыривает меня в бушующее море! Сперва я боролся с влюбленностью отца, теперь мне предстоит сразиться с тщеславием матери. Прежде у меня был союзник — мать, теперь я остался один. А значит, просвет в этой вновь разбушевавшейся стихии для меня еще более сократился. Неужто я рожден лишь для того, чтобы не видеть счастья? С тех самых пор, как Клиция вступила на порог нашего дома, для меня нет иного наслаждения, как только думать о ней, ее лицезреть. Ведь истинно радостные дни в своей жизни я смог бы пересчитать по пальцам. Но кто это там идет? Дамоне? Он самый, но почему он так весел? Дамоне, что случилось? Какие новости? Откуда вдруг такая радость?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Д а м о н е, К л е а н д р о.

Д а м о н е. Ничего более радостного, более приятного я не мог услышать!

К л е а н д р о. В чем дело?

Д а м о н е. В город прибыл отец вашей обожаемой Клиции. Зовут его Рамондо, и человек он богатейший, неаполитанский дворянин, и приехал он только для того, чтобы разыскать дочь.

К л е а н д р о. Ты-то откуда все это знаешь?

Д а м о н е. Я сам с ним говорил. Сомнений никаких.

К л е а н д р о. Да я с ума сойду от радости, коли это и в самом деле так, как ты рассказываешь!

Д а м о н е. Я хочу, чтобы вы все услышали от него самого. Зови сюда Никомако и Софронию.

К л е а н д р о. Софрония, Никомако! Идите сюда! Дамоне вас зовет!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Никомако, Дамоне, Софрония, Рамондо.

Н и к о м а к о. Вот и мы! Есть хорошие вести?

Д а м о н е. Слушайте: отец Клиции, Рамондо, неаполитанский дворянин, находится здесь, во Флоренции, и разыскивает дочь. Я сам его видел, говорил с ним и склонил — если ты, конечно, согласен — выдать дочь за Клеандро.

Н и к о м а к о. Если так, то я буду только рад. Но где же он?

Д а м о н е. Остановился в «Короне». Я сказал ему, чтобы он шел сюда. Вот он! Идет впереди, за ним слуги. Пошли ему навстречу.

Н и к о м а к о. Да хранит вас Бог, благородный рыцарь!

Д а м о н е. Рамондо, вот Никомако, а вот его жена. Это они с такой заботливостью вырастили твою дочь! А вот их сын; если захочешь — он может стать твоим зятем.

Р а м о н д о. Будьте счастливы, господа! Спасибо Создателю нашему, который явил мне милость свидеться перед смертью с дочерью и отблагодарить благородных людей, оказавших ей такое гостеприимство. Что касается сватовства, то что может быть приятнее того, чтобы дружба, заложенная добрым вашим отношением, закрепилась еще и родством?

Д а м о н е. Пошли в дом, там вы услышите от Рамондо трогательную повесть о потерянной и найденной дочери, а заодно отдадите распоряжение к счастливой свадьбе.

С о ф р о н и я. Пошли! А вы, зрители, можете расходиться, ибо сыграем мы свадьбу дома, не показываясь на улицу, и новая эта свадьба будет уже по всем правилам, а не так, как это случилось с Никомако!

КАНЦОНА

Нет, вы не прогадали,
достойные и чистые душой,
что мудрости земной
столь тонкому учителю внимали
и потому узнали,
как нужно жить, чем лучше пренебречь,
чтоб не лишиться рая;
но, все перечисляя,
мы долго бы вели об этом речь.
Да будут назиданья вам полезны
настолько же, сколь были вы любезны!

